

36
872

12487 А

КНЯГИНЯ

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Д. Дмитриева.

Въ пользу Комитета, російскаго общества Краснаго Креста, «Хри-
стіанская Помощь», состоящаго подъ Августѣйшимъ покрови-
тельствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., св. д.

МОСКВА. — 1899.

А

Дозволено цензурою. Москва, 27 января 1899 года.

2004127164

Княгиня Елена Глинская.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

«Можетъ-быть, Елена, воспитанная въ знатномъ, владѣтельномъ домѣ и въ обычаяхъ нѣмецкихъ, коими славился ея дядя, Михаилъ, имѣла болѣе пріятности въ умѣ, нежели тогдашнія юныя россиянки, наученныя единственно цѣломудрію и кроткимъ, смиреннымъ добродѣтелямъ ихъ пола».

Н. Карамзинъ.

I.

Шель 1534 годъ. Поздній вечеръ, ненастный, сентябрьскій; мелкій дождикъ сыпалъ, какъ изъ рѣшета; порывистый вѣтеръ бушевалъ на просторѣ и сбивалъ съ деревьевъ послѣдніе пожелтѣвшіе листья. На грязныхъ московскихъ улицахъ тишина, — ни пѣшаго ни коннаго не видно; не видно нигдѣ даже огонька. Въ осеннюю пору всѣ ложатся пораньше. По направленію къ Кремлю, по Воздвиженкѣ, тихо ѣхалъ верхомъ Борисъ Дятловъ, сынъ Василя Дятлова, служившій старшимъ ловчимъ при великомъ князѣ Василя Ивановичѣ. Великій князь любилъ и жаловалъ своего ловчаго, прибилъ его къ своему трону, на зависть его товарищамъ.

Дятловъ остановился около невысокаго забора; это былъ очень длинный заборъ, огораживавшій большой садъ, который примыкалъ къ огромнымъ хоромамъ великокняжескаго дворецкаго боярина Ивана Юрьевича Шигоны. Дятловъ посмотрѣлъ по сторонамъ и, не увидя

никого, слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ колу, воткнутому въ землю, а самъ сталъ тихо перелѣзать черезъ заборъ; вотъ онъ и въ саду; крадучись пошелъ онъ по протоптанной дорожкѣ къ бесѣдкѣ, которая стояла посреди огромнаго боярскаго сада. Бесѣдка была просторна и украшена причудливой рѣзбой; въ единственное полукруглое окно вставлены были стекла, что въ ту пору почиталось за большую рѣдкость. Дверь была не заперта. Борисъ отворилъ ее и очутился въ бесѣдкѣ. Посреди бесѣдки стоялъ рѣзной дубовый столъ, а по стѣнамъ—широкія скамьи; лѣтомъ въ послѣобѣденную пору Иванъ Юрьевичъ Шигона любилъ отдыхать въ этой бесѣдкѣ.

Дятловъ снялъ съ себя промокшій охабень и остался въ одномъ полукафтанѣ голубого сукна, шитомъ серебромъ. Это былъ красивый, статный молодой человекъ, съ едва пробивавшимися бородой и усами; его черные глаза сверкали мужествомъ и отвагою. Всегда веселый, на этотъ разъ Борисъ былъ мраченъ и задумчивъ: тяжелая, нерадостная дума камнемъ лежала у него на сердцѣ. Да и было ему съ чего припечататься: полюбилъ онъ красавицу Надежду Ивановну, дочку именитаго боярина Шигоны, — полюбилъ пуще рода, пуще племени. И его любила боярышня, любила своею чистою, первую дѣвичьей любовью. Но ихъ счастью грозила большая помѣха. Бояринъ Шигона не любилъ Дятлова за его незнатный родъ и за бѣдность. Отецъ Дятлова былъ не стараго боярскаго рода и боярство получилъ при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III за особую услугу; пожалованный въ бояре, онъ обойденъ былъ, однако, денежной наградой и, по своей добротѣ и честной безкорыстной службѣ, во всю свою жизнь не нажилъ денегъ; умеръ онъ въ бѣдности, оставивъ своему единственному сыну, Борису, небольшую подмосковную деревушку съ плохонькой усадьбой.

О свадьбѣ съ любимой дѣвушкой Дятлову и думать было нечего. Спесивый, богатый бояринъ не выдастъ за него, бѣдняка, свою дочь, красавицу писанную.

„Чай, не о такомъ зятѣ старый думаетъ: за боярина именитаго или за князя какого онъ выдастъ свою дочь, Надю,—разсуждать молодой ловчій, похаживая по бесѣдкѣ.—Придетъ ли моя голубка на свиданье? Прійти сулила. Пробуду здѣсь до утра, ждать буду — можетъ, и придетъ“.

Вотъ какъ слюбились Борисъ Дятловъ съ Надей.

Какъ-то разъ Шигона задалъ на всю Москву пиръ. На этомъ пиру присутствовалъ великій князь съ своей семьей и всѣми придворными чинами; въ томъ числѣ былъ и молодой великокняжескій ловчій Дятловъ.

Иванъ Юрьевичъ не держалъ свою семью взаперти въ теремѣ и не пряталъ отъ гостей свою дочь, красавицу Надежду. Шигона нарушалъ обычай того времени „беречь дочь отъ мужского глаза“, и на пиру Надя, вмѣстѣ съ своей теткой, боярыней Анной Юрьевной, угощала дорогихъ званныхъ гостей. На этомъ пиру въ первый разъ увидались Дятловъ съ Надей; тогда же они полюбили другъ друга и стали тайкомъ видѣться. Прежде видались они въ церкви, а тамъ удалой ловчій нашелъ случай ходить на свиданье съ любимой дѣвушкой въ густой, большой садъ ея отца, боярина Шигоны. Тамъ видѣлись они лѣтнею порою чуть не каждую недѣлю. Выходила Надя на свиданіе въ садъ не одна, а со своею старухой-нянькой, Марковной. Дятловъ сумѣлъ поддѣлаться къ старухѣ-нянкѣ и посредствомъ денегъ, которыя и въ ту отдаленную пору играли у насъ на Руси видную роль, добился, что Марковна, хоть и съ ворчаньемъ, а все-таки соглашалась на свиданія своей боярышни съ молодымъ бояричемъ.